

Погода выдалась отличная.

Солнечные лучи мягко пригревали. Девушки и девочки принарядились в весенние цвета, город запестрел яркими красками.

Хасэ явился ровно в обещанный час. Я, стоя у ворот, взмахом руки предложил ему заехать внутрь.

Остановив мотоцикл в палисаднике, он медленно обвел взглядом сад и особняк. Стоял день, и ничего необычного пока видно не было.

Тихий, спокойный весенний сад. Только под красиво цветущей сакурой алели «пришельцы» чертополохи, что наверняка не осталось незамеченным Хасэ.

— А здесь здорово, Инаба. Здание, правда, немного старовато. Но я ожидал чего-то более зловещего.

Мне ничего не оставалось, как улыбнуться.

— Ну у тебя и багажа, Хасэ.

На заднем сидении стояла, обхваченная ремнями, туго набитая коробка. По бокам красовались по пышному букету. Снимая с головы шлем, Хасэ решительно заявил:

— Я ж официально представляться приехал. Не с пустыми же руками это делать.

— Как все серьезно, — хмыкнул я.

Хасэ пристально на меня посмотрел.

— Инаба, ты...

— Чего?

— Похудел? Или, как это сказать, подобрался?.. В качалку, что ли, ходить начал?

— Нет, какой спорт. Мне всю эту неделю не до того было... а...

Практики утром и днем хоть нельзя в полной мере отнести к спорту, но требовали больших физических затрат. Каждый день я тренировал дух и тело, ел вкусную пищу и отмокал в

термальном источнике. Неудивительно, что неделя такого образа жизни отразилась на моем внешнем виде.

— Вот оно что.

— Ты о чем?

Я рассказал Хасэ, как прошли для меня последние дни. Тот изумленно округлил глаза.

— Прямо как настоящий монах! Ничего себе! Прикольно!

— Дурак ты, тут вопрос жизни и смерти, знаешь ли. Ты в курсе, что от вызовов этих духов жизнь сокращается?! Какие тут шутки!

Когда мы зашли в прихожую, со второго этажа как раз спустилась Акинэ-тян.

— А это та самая Акинэ Куга-сан. Акинэ-сан, это Мидзуки Хасэ.

— А-а! Добрый день... — не успела договорить Акинэ-тян, а Хасэ уже сунул ей под нос один из тех двух до абсурдности огромных букетов.

— Большое спасибо, что столько делаешь для Инабы!

— Ой, это мне? Ух ты! В первый раз в жизни букет получаю! — обрадовалась Акинэ-тян, но Хасэ на этом не закончил.

— Я до вчерашнего дня был в Европе. Конфеты в подарок леди считаются глупостью и банальностью, но Инаба рассказывал, что ты любишь покушать, поэтому я подумал, ты оценишь мой выбор шоколада и печенья.

Буквально трещащая по швам коробка оказалась забита жестяными банками с печеньем и упаковками шоколада всевозможных сортов. И то, и то отличал красочный оригинальный дизайн.

— Какая красота! Как мило! Спасибо, Хасэ-кун! Вот это да!

В ответ на бурные восторги Акинэ-тян Хасэ довольно кивал. А я ведь совсем чуть-чуть о ней рассказал. Но в искусстве чтения людей Хасэ успел зайти очень далеко — натренировался на «приручении» хулиганов, а уж к ним-то с бухты-барахты ни за что не подъедешь.

«Не жалея денег и сил на то, что по-настоящему важно, — одно из железных правил Хасэ. —

Стоит немного проявить симпатию, и человек этого не забудет. Заставь его подумать, что ты к нему по-доброму, и он начнет тебе доверять. Забота притупляет бдительность».

Хасэ, повернувшись ко мне, показал большой палец и подмигнул. Я усмехнулся.

В гостиной сидели Поэт с Художником.

— Смотрите, смотрите, сколько мне всего Хасэ-кун подарил!

— Ты прямо как актриса-певица после встречи с поклонниками, Акинэ.

— Так это и есть твой лучший друг, Юси-кун?

— Мидзуки Хасэ. Приятно познакомиться.

С этими словами севший рядом со мной на татами Хасэ взял меня за затылок и заставил уткнуться лбом в пол, и сам тоже низко поклонился.

— Большое спасибо за все, что вы делаете для Инабы. Надеюсь, вы не оставите его и в дальнейшем.

Лбу даже больно стало, с такой силой он прижимал мою голову к полу, но я не жаловался, понимая, какие глубокие чувства за этим стоят.

В начальной школе мы часто ходили друг к другу в гости. Но в средней это резко прекратилось. Я ни разу не позвал Хасэ в дом дяди. Не потому что мне это запрещали. Просто не хотелось. И в дом Хасэ я тоже перестал ходить.

Думаю, Хасэ знал, чем было вызвано такое мое отношение. Поэтому никак его не комментировал. Раз позвав меня к себе и получив отказ, он навсегда закрыл эту тему.

Но теперь я наконец смог пригласить Хасэ «к себе домой». И для меня, и для него это стало по-настоящему радостным событием. Прижатый лбом к татами, я ощутил легкое пощипывание в глазах.

— Я слышал, вы большие ценители хорошего алкоголя. Надеюсь, это вам тоже придется по вкусу.

Хасэ выставил перед Поэтом и Художником три бутылки. При виде этикетки Поэт не сдержал

удивленного возгласа:

— «Дом Периньон»?! Да еще «Винтаж»?!

— «Дом Периньон» — это же, кажется, шампанское?

— Подумал, sake и виски и так в достатке, может, захотите немного разнообразить...

Хасэ как ни в чем не бывало поставил рядом с бутылкой две жестяные банки. С черной икрой. Поэт расхохотался.

— Продумано!

Художник осуждающе зацокал языком.

— «Дом Периньон» и черная икра... Это подарки не уровня зеленого пацана.

Хасэ взглянул снизу вверх на Художника и невозмутимо ответил:

— Прошу прощения. Привычка.

Кажется, Художнику пришелся по душе его непоколебимый нрав. Рыбак рыбака, как говорится... Это про них.

Тут в гостиную зашли Буся и Бела. И Хасэ, и я резко выпрямились.

— Это... Буся и Бела?

Я смог лишь легонько кивнуть. Слова не шли.

Хасэ с откровенным недоверием во взгляде принялся рассматривать Бусю и Белу.

— С ума сойти... Я тоже могу их видеть... Ой, и касаться.

Хасэ правой рукой погладил по голове Бусю, левой — Белу. Бела блаженно прищурилась. Я и остальные, не шевелясь, за ними наблюдали. От волнения меня едва не начала бить дрожь.

— Надо же... А и не скажешь, что-то они какие-то не такие. Ха-ха, здорово, а? — повернулся ко мне Хасэ и улыбнулся.

Я облегченно выдохнул, хотя тревога до конца еще не отпустила.

— Ну что ж... На очереди знакомство с Рурико-сан!

Хасэ энергично поднялся. Что он подумает, увидев руки Рурико-сан? Наверное, даже у него волосы на голове зашевелиятся.

— Большое, огромное вам спасибо за вашу бесценную заботу об Инабе! Его здоровье — в ваших талантливых руках, Рурико-сан! Все это время он так нахваливал вашу стряпню, что я буквально сгорал от зависти!

Со стороны без улыбки смотреть на исходящего медом по отношению к висящим посреди полутемной кухни кистям рук Хасэ было практически невозможно. Даже встретив совершенно очевидное «не принадлежащее этому миру создание», Хасэ не выказал ни малейшего страха. Хотя, если подумать, я довольно подробно рассказал ему об обитателях особняка.

— Я купил этот крем для рук с ароматом роз в Париже. Надеюсь, вам понравится.

Рурико-сан, получившая кроме крема еще и букет, в крайней степени смущения сцепила пальцы в замок.

— Да уж, все продумал, до мелочей. Далеко пойдет! — опять захохотал Поэт.

— Еще я слышал, здесь любят мандзю и моти...

Хасэ принес десять коробок мандзю и моти известного бренда, открыл все за раз и расставил на веранде и в коридоре.

Рурико-сан заварила гречишный чай, и по гостиной поплыл его насыщенный аромат.

Хасэ с любопытством наблюдал, как Буся за обе щеки уписывает принесенные им мандзю. И так это было умилительно, что уголки моего рта невольно поползли вверх.

— Ого, так ты наследник той большой компании! Светлое будущее, считай, обеспечено.

— Значит, ты сейчас в процессе подготовки к занятию высокого поста.

— Причем в самых разных смыслах.

— Эти мандзю такие вкусные!

— Акинэ-сан... У тебя и правда неслабый аппетит.

Мы все вместе весело болтали.

Обычный для Особняка нежита день, но сегодня со мной еще и Хасэ. Я не мог этому нарадоваться.

В гостиной было приятно тепло, с веранды открывался вид на весенний сад и цветущую сакуру. Там же порхали похожие на медузы существа и пробегали на задних лапах напоминающие енотов создания. Оставленные на веранде коробки с мандзю незаметно опустели. Наблюдающий за всем этим Хасэ дивился, смеялся и откровенно получал удовольствие от происходящего.

— Хасэ-кун, ты же останешься на ужин? Рурико-сан спрашивает, хочешь чего-нибудь?

— Если готовит Рурико-сан, съем все, что угодно! — обрадовался Хасэ.

— А оставайся ночевать! Ночью в особняке весело, — не скрывая лукавой усмешки, предложил Поэт.

Зато я страшно разволновался.

Ночью Особняк нежита являет совсем иное лицо, чем днем. В ночное время суток духовная энергия концентрируется, и глаз замечает намного больше потусторонних существ. Среди которых встречаются и весьма пугающие своим внешним видом экземпляры. Справится ли Хасэ?

— Разумеется, останусь. Я так и планировал, — с улыбкой ответил Хасэ, чем изрядно меня удивил.

— Впервые слышу! Останешься... И где ты спать собираешься?

— У тебя в комнате, где же еще, Инаба? Нет, конечно, если Акинэ-сан позволит, я с удовольствием заночую у нее!♪

— Акинэ-тян на ночь уходит, — засмеялся Поэт.

— У меня... только один футон...

— Вот и ляжем вместе, Инаба! Раньше же мы как-то спали на одном футоне! — Хасэ обхватил меня и повалил на татами.

— Раньше — это когда мы еще в начальной школе были! Сейчас я с тобой в одной постели спать не собираюсь!

— А я собираюсь!♪

Взрослые с улыбками наблюдали, как мы притворно сцепились на полу.

— Все-таки здорово это, ходить к другу в гости с ночевкой.

— Только в случае парней, это еще жара и теснота.

Весенний день неторопливо клонился к закату.

По Особняку нежити поплыли вкусные запахи, предвестники очередных шедевров в исполнении Рурико-сан. Привлеченные ими, отовсюду начали стекаться сверхъестественные обитатели общежития.

По окрашенному в алый цвет небу мельтешит что-то черное, похожее на летучую мышь. Из теней деревьев, из-за стен, из темных уголков под потолком в нашу сторону устремляются все больше и больше глаз. Слышатся шаги и другие звуки, хотя тех, кто их производит, так и не видно. Все здание, точно приливной волной, наполняется «нечеловеческим» присутствием.

В погрузившемся во тьму саде в тени листвы и цветов начинают вспыхивать разноцветные огоньки. И это никакие не насекомые, судя по их угловатым и беспорядочным движениям.

Хасэ, похоже, всем своим существом ощущал их наступление и время от времени принимался крутить головой по сторонам. Я с тревогой за ним наблюдал.

— Хасэ... Ты как?

Я невольно понизил голос. Хасэ с самым серьезным выражением на лице обернулся.

— Ты знаешь, Инаба...

У меня екнуло сердце.

— Ч-что?

— Это все прям как в этом... В «Унесенных призраками»!

— Чего?!

Я ошарашено на него вылупился, а Хасэ, стиснув кулаки, вдохновенно продолжил:

— Я обожаю ту сцену! Ну, когда солнце заходит, и одновременно с тем, как по всему городу начинают гаснуть огни, отовсюду вдруг — вжух! — нечисть всякая вылезает! И божества один за другим появляются, так круто!

— Ага... — после продолжительной паузы промычал я.

— Скажи же, похоже! Как там, и здесь, сейчас!

— Ну... Да... Если подумать...

— Мы словно в том фильме оказались, аж дрожь берет, скажи, а! — Хасэ с горящими от восторга глазами звонко захлопал меня по спине.

И чего я, спрашивается, дурак, так за него переживал? Верните мне все зря сожженные нервные клетки! Тоже мне, нашел из-за кого волноваться, барышня впечатлительная!

Тут как раз очень вовремя подоспел ужин.

Рурико-сан, зная, что дома у Хасэ предпочитают европейскую кухню, какое-то время колебалась с выбором блюд, но в конце концов остановилась на тех, что особенно нравятся мне.

На столе выстроились любовно сервированные тарелки, на первый взгляд скромные в плане цвета, но сшибающие с ног насыщенными ароматами. Весенние овощи, мясо, рыба и тофу. Мисо-соус. Что-то — жареное в масле, что-то — в свежем виде, сбрызнутое легким соусом. И все прекрасно сочетается с рисом.

Первым удар по голоду нанес кисловатый томатный суп на западный манер с сардинами.

— Эти сардиновые клецки — просто нечто!

— Я вообще-то сардины недолюбливаю... Но это и правда очень вкусно!

Глядя, как округляются глаза привыкшего к кулинарным изыскам Хасэ, я ощутил настоящую гордость. Рурико-сан в благодарность за подарок и прежде всего ради меня расстаралась не на шутку. Кстати, подаренные Хасэ цветы, разложенные в букеты поменьше и поставленные в вазы, украшали теперь столовую.

— Этот тофу и сакура-креветки... Прямо как в традиционном ресторане! Такой букет вкуса!

— Сакура-креветки и водоросли сами по себе обладают ярким вкусом, а маринованный дайкон и кунжутное масло их подчеркивают, — пояснила Акинэ-тян.

— Ого, маринованный дайкон, значит! Надо же...

— Будешь еще рис, Хасэ?

— А то, буду-буду!

Под жареную в травяном масле свинину и ломтики говядины, обжаренные в сладком мисо-соусе и завернутые в тонкие яичные блинчики, рис влет исчезал из тарелки, только успевай подкладывать добавки. А за сбрызнутые сливочным соусом с кунжутом весенние овощи мы даже устроили небольшую битву.

— Этот жареный окунь так хрустит!

— А это, Инаба, — сказал Хасэ, — потому что его жарят без ничего, одно филе с кожей. Поэтому он такого красивого розового цвета. Добиться его — настоящее искусство.

— Этот кисло-сладкий соус будто создан для риса! — воскликнула Акинэ-тян, успевшая приступить уже к четвертой по счету порции риса. А ведь она успела столько мандзю слопать!

Двое несносных взрослых за отдельным столом разливали «Дом Периньон».

— Вполне ожидаемо, конечно, но все равно вкусно! — простонал Художник.

Поэт, накладывающий на крекеры черную икру ложками, согласно замычал.

— Это икра тоже явно недешевая. Засолка первоклассная!

Сидящий рядом с ним Буся попросил икры. Должно быть, видел ее впервые, вот и стало любопытно.

— Бусёнок, икорки хочешь? Только я боюсь, она тебе не придется по вкусу, — предупредил Поэт, поднося ко рту Буси ложку с капелькой икры на кончике.

Только она оказалась у него на языке, и Буся тут же сморщился и принялся отчаянно отплевываться. Столовая затряслась от хохота.

— О-о-о! Нифига себе! Это ж самый настоящий подземный бассейн! — разнесся по пещере с термальным источником усиленный эхом голос Хасэ.

Густой пар и приглушенный естественный свет, гладкие и блестящие от испарины голые камни — можно было подумать, что мы оказались в запрятанном глубоко в горах природном бассейне. Хотя, скорее всего, именно так все и было. Ведь на самом деле этот подвал-ванна находилась вовсе не в особняке, а в совсем другом месте.

— Круто! Как здесь круто! Настоящий! Самый натуральный термальный источник! Блин, здорово как, а!

Слушая нескончаемые восклицания словно вернувшегося в детство Хасэ, я не сдержался и фыркнул.

— Ты чего, Инаба? Я ж серьезно. Я правда тебе завидую! После такой потрясной еды еще и искупаться в термальном источнике! Прямо первоклассный рёкан, я тебе говорю!

— Ха-ха-ха-ха! В точку! Ха-ха-ха-ха-ха!

Я наконец смог от души рассмеяться.

С наступлением глубокой ночи над палисадником особняка неспешно закружили разноцветные огоньки. Не живые существа, а сгустки духовной энергии... если совсем просто, что-то вроде пылинок, упавших с живых существ. Хотя для пылинок они светили очень красиво, навевая легкую грусть.

Я смотрел из окна комнаты на темный палисадник. Под сакурой бродили, то исчезая, то вновь появляясь, какие-то черные люди с сияющим золотым контуром. Едва ли с какой-то определенной целью. Просто им нравилось там бродить.

Клац! — резко распахнулась дверь, и в комнату практически влетел Хасэ.

— Ты чего?

— Нет, ничего... — попытался заверить меня он, но я по глазам видел, что с ним что-то случилось.

— Хасэ?

Он залпом выпил бутылку воды. Затем сделал глубокий вдох и сел на фuton.

— Эй? — я заглянул ему в лицо.

Хасэ какое-то время молча на меня смотрел, а затем вдруг захохотал.

— Да что с тобой, Хасэ?

— Я щас так шуганулся, — после недолгой паузы с улыбкой признался он. — Собираюсь выходить из туалета, открываю дверь... а там девушка с длиннющими волосами... без лица...

— А-а... Садако.

Я почесал голову. Надо было его предупредить. Садако-сан (прозвище), разумеется, как и все здешние привидения, совершенно безобидна, но при виде ее, особенно если этого не ожидаешь, сердце уходит в пятки. Высокая, худая и с длинными, до пояса черными волосами. На лице кроме рта больше ничего нет. Чаще всего ее можно увидеть в туалете и ванной. Видимо, любит места с водой.

— Она ничего не сделает...

— Нет, я это понимаю, Инаба. Честное слово, понимаю.

Вот только пальцы у него дрожали. Мне вдруг стало не по себе.

— Но... Ты все равно...

— Инаба, — Хасэ положил меня на плечи руки. — Ты же понимаешь, что я сегодня впервые в жизни видел привидения и нежить?

— Угу...

— Я много о них слышал, но чтобы вот так, оказаться с ними в непосредственной близости — такого со мной еще не бывало. Я всегда считал, что их существование никак лично со мной не связано.

— Угу...

Со мной было то же самое. Кто бы мог подумать, что они на самом деле существуют, да еще совсем рядом, являются частью повседневной жизни. Я и помыслить не мог, что вдруг стану их соседом.

— Сам подумай, любой нормальный человек при виде привидения или нежити... наверняка же испугается.

Я промолчал.

— Ты же тоже в начале испугался?!

Еще как. Встретив в ванной-пещере Домовладельца, я прямо там же в обморок грохнулся.

— Погоди... то есть тебе все это время было страшно, Хасэ?

— А кому не станет страшно, когда перед ним вдруг окажутся всякие волшебные духи, грифоны, привидения и прочая паранормальщина! Я, между прочим, в тот день всю ночь глаз не сомкнул! — усмехнулся Хасэ.

— Так вот оно что!..

Поддавшись порыву, я крепко его обнял.

— Действительно! Ты совершенно прав!..

В тот момент я испытал невероятное облегчение.

Его искренний страх успокоил меня куда сильнее, чем бездушная невозмутимость, которую даже привидения и нежить не смогли бы поколебать. Потому что страх был естественной реакцией. И потому что, несмотря на него, Хасэ все же смог принять особняк, весь целиком. Я почувствовал это, и от избытка эмоций у меня перехватило дыхание. Аж в глазах защипало.

— Конечно, неожиданно встретить столько для себя необычного, но здесь хорошо. Да, Инаба? — обняв меня в ответ, непривычно ласково шепнул мне на ухо Хасэ.

Слышать из его уст этот добренький тон было так странно, что меня разобрал смех.

Вместе со смехом... по моей щеке скатилась слеза.

Меня вдруг посетила неожиданная мысль, что теперь, когда к поддержке окружающих добавился тот факт, что мне больше ничего не надо скрывать от лучшего друга, я обязательно со всем справлюсь, и у меня все будет хорошо.

Я и не ожидал, что так обрадуюсь приезду сюда Хасэ... Лишь сейчас до меня по-настоящему дошло, как же сильно я волновался все последние дни. Из-за судьбоносной встречи с «Пти Иерозоиконом». Из-за мыслей о будущем.

Но отныне... Будь что будет.

Как бы я ни тревожился, какие бы беды на меня ни валились, все обязательно наладится. Пока со мной мои соседи по особняку и Хасэ. Уже этого хватит за глаза.

Не желая, чтобы он видел мои слезы, я все не отпускал Хасэ, и вдруг почувствовал, как он весь обмяк.

— Ха... Хасэ?

Хасэ спал, как младенец. Видимо, напряжение отпустило, и его вырубил. Наверняка он с того самого дня себе места не находил. Да еще целую неделю за границей пробыл.

Я осторожно уложил его на футон.

В комнате царит удивительная тишина. За окном неторопливо проплывают красивые огоньки.

В их свете выражение на лице спящего Хасэ ничем не отличалось от того, каким оно было в детстве.

— Он, по всей видимости, немало притомился, — вдруг на лежащем на столе «Пти Иерозоиконе» из ниоткуда появился Фул.

— Фул.

— Здравствуйте, господин, — маленький проводник отвесил церемонный поклон. Выпрямив спину, он сделал глубокий вдох. — Эта комната пронизана положительными волнами.

— О, даже так?

— И их почти можно спутать с вашими, господин.

— И что это за волны?

— Сейчас они похожи на сияющие ритмы, что то утолщаются и излучают мощь, то утончаются и становятся мягкими, податливыми.

— Хм?

— Исходящие от вас волны... Похожи на круги на водной глади. В них чувствуется спокойствие, удовлетворение. Тело ваше устало, но сердце пребывает в покое.

— Вот как...

Я выключил свет и полюбовался проплывающими по шторам пятнышками света от огоньков за окном. Прямо как процессия платформ с фонарями во время сёго нагаси.

Эта теплая весенняя ночь выдалась такой тихой, что, казалось, можно было слышать шелест опадающих лепестков сакуры в саду.

— Чудесная ночь.

— Да... Чудесная.

— Не желаете ли послушать волшебную колыбельную, господин?

— Волшебную колыбельную?

Открываю «Пти Иерозоикон» на четырнадцатой странице.

— «Умеренность»! Сирене!

— Сирене! Заклинательница дева-птица!

Это действительно оказалась полуженщина-полуптица размером не больше воробья. Другими словами, гарпия. Женское лицо и покрытое белыми перьями птичье тело. Еще и слабо светящееся в темноте. С одной стороны весьма симпатичное создание, с другой — довольно-таки отталкивающее.

Сирене запела голосом, больше похожим на птичий крик.

Удивительной глубины голос, напевающий песню без слов. Я не знал, о чем она поет, но это была умиротворяющая и точно сливающаяся с темнотой мелодия. В воображении замелькали смутные образы экзотических земель.

Не зря Фул назвал это колыбельной, мне действительно стало очень уютно. По телу растеклась приятная легкость...

Я сам не заметил, как заснул.

А волшебная песня все звучала на границе сна и яви.

— Доброе утро!!! — хором поздоровались мы с Хасэ на пороге столовой.

— О, сразу видно, молодежь, энергия так и хлещет.

Поэт, Сато-сан и Ямада-сан улыбнулись.

— Хорошо спал, Хасэ-кун?

— Без задних ног. Давно я так не высыпался.

— Ого, у нас сегодня тосты? Неожиданно.

К рисоварке и кастрюле с мисо-супом, стоящим на отдельном столе, откуда ни возьмись прибавились тостер и тостер-духовка.

— Это для Хасэ-куна. Ты же всегда хлебом завтракаешь? — пояснила за тарелкой риса с добавками Акинэ-тян.

— Специально для меня? Спасибо огромное, Рурико-сан!

Рурико-сан в ответ принялась смущенно мять пальцы. В углу рабочего стола на кухне стоял подаренный Хасэ тубик крема для рук с ароматом роз.

Я завтракал переливающимся на свету рисом, жареным куском лосося, тушеным мясом с тофу и прочими традиционными блюдами. Хасэ положил на еще горячий тост жареное яйцо с беконом и цукини и впился в него зубами. Салат из бобового ассорти радовал по-весеннему сочной разноцветной гаммой.

— Иногда и тостами неплохо позавтракать.

— Какое вкусное масло!

— Похоже на шведский стол в отеле.

— Мисо-суп отлично идет с хлебом!

— Что, правда?!

С самого утра за столом царило веселое оживление. С наших лиц не сходили улыбки. Хасэ по достоинству оценил неожиданное для себя открытие, что мисо-суп с луком и картофелем, оказывается, прекрасно сочетается с хлебом.

Я сам наслаждался неспешным утром. Слишком уж эти весенние каникулы выдались богатыми на события, с самого их первого дня. Ужасно длинная вышла неделя.

— Как же все-таки здесь хорошо. И возвращаться не хочется, — с удовольствием попивая кофе, признался Хасэ.

— Так оставайся до конца каникул? — немедленно предложила Акинэ-тян, а Хасэ невозмутимо кивнул.

— Наверное, так и сделаю.

— Эй-эй, не наглей, Хасэ. Меня спросить не пробовал?

— А что тебя спрашивать?

— Ну так... Я, вообще-то, должен к практикам вернуться... Правильно, Акинэ-тян?

— Ну и практикуйся себе. А я буду расслабляться в гостиной!♪ — показал мне язык Хасэ.

Оборзел. Кто-то определенно оборзел.

— Ах ты...

— Раз так, прямо сегодня и возобновим дневную практику! — улыбнувшись, хлопнула меня по спине моя личная дьяволица, и ушла.

Хасэ с выражением крайнего довольства на лице проводил ее взглядом.

— Какая она очаровательная, Акинэ-сан.

— Поговори мне еще...

Так что, пока я без остановки бубнил «Сутру сердца», Хасэ, как и обещал, набивал живот вкусным обедом, страстно обсуждал с Художником мотоциклы, валялся на теплой веранде, в общем, в полной мере наслаждался пребыванием в Особняке нежити.

— Йоу, с окончанием практики!

Когда я, едва держась на ногах после ванны, зашел в гостиную, то увидел там Хасэ, читающего книжку с картинками сидящему у него на коленях Бусе. Какая умиротворяющая картина, чтоб его!

— А я тут, так сказать, вживаюсь в роль «выходного папы».

— Что ты несешь?

— Буся такое чудо. А что он привидение... Вообще никакого значения не имеет.

Хасэ погладил Бусю по голове, тот пристально на него посмотрел, требуя почитать еще. Меня прямо всего пробрало. Я стал свидетелем момента, как у Буси стало на одного «папу» больше.

Ночь. После вкуснейшего ужина мы расположились в гостиной.

В залитом тусклом свете от тонкого полумесяца саду едва слышно осыпались лепестки сакуры и блуждали уже хорошо знакомые разноцветные огоньки.

Поэт, Художник и Ямада-сан на веранде утонченно распивали sake, наслаждаясь ночным пейзажем. Хасэ успел по уши влюбиться в Бусю, а тот, похоже, ничего не имел против. Я лежал на диване, прислушиваясь к охватившей тело приятной усталости. Еще одна чудесная ночь.

И тут вернулся Букинист.

— Я дома! А-а-ах, как же я устал!

Зайдя в гостиную, Букинист с глухим тяжелым стуком поставил на пол чемодан. Опять, похоже, забит под завязку. Вот же человек, нет ему покоя, только вернется в Японию, как опять отправляется носиться по всему свету.

— С возвращением!

— Привет, будешь?

— Что у вас тут, саке под луной?

— Саке под ночную сакуру!

— Эх, хорошо все-таки быть японцем!

— А, это тот самый Букинист?

— О! Ты Хасэ, друг Юси?

Хасэ и Букинист пожали друг другу руки.

— Приятно познакомиться. Слышал, Инаба доставил вам хлопот...

— Ерунда, я всего лишь скромный посредник. Ты сам-то, наверное, страшно удивился, что друг живет в таком месте, да еще и учится на мага? Но согласишься, на самом деле в этом ничего такого нет, — легкомысленно засмеялся Букинист.

Хасэ с улыбкой кивнул.

— Вернулся б ты чуть раньше, и успел бы застать «Дом Периньон», что он нам в подарок принес, — ехидно улыбнулся Художник.

— «Дом Периньон»?!

— «Винтаж», между прочим, — Поэт тоже улыбался.

— Оставили бы хоть немножко!

— Вы уже успели все три бутылки выпить?!

— Три бутылки!

— Вкуснятина!♪

— Ах вы питоны ненасытные!

С Букинистом sake-посиделки заметно оживились. Взрослые, чьи языки развязал алкоголь, начали травить байки и делиться жизненным опытом. Мы с Хасэ заслушались.

— Я останусь еще дня на два-три, ладно, Инаба?

Приятно, однако, слышать от него просьбу.

— Я сам еще не всех здешних обитателей видел, так что не шугайся, понял?

Мы улыбнулись друг другу.

И тут.

Бам! — громыхнуло что-то.

— Что это было?

Бам! Бам! — дрожь доносилась из угла гостиной.

— Чемодан?..

Ошибки быть не могло, содрогался потертый чемодан.

— Так-так?

— Ты опять что-то странное приволок?! — пригвоздил Художник тяжелым взглядом Букиниста.

Тот почесал голову.

— Может быть... Вообще, это наверное...

Похоже, он догадывался, в чем дело.

— Так, все сюда! — Букинист замахал руками, призывая всех отойти ему за спину.

Бам! — чемодан едва не подпрыгнул от нового удара, его крышка резво распахнулась.

Под ней были плотно уложены какие-то большие черные мячи.

— Что... это такое?

Черные мячи немного повозились и вдруг все одновременно повернулись в нашу сторону. Это оказались отрубленные головы.

— А-а-а!!!

Мы с Хасэ инстинктивно сжали между собой Бусю, закрывая его своими телами.

Окровавленные головы с всклокоченными волосами по очереди открыли рты и, уставившись на нас, заорали что-то непонятное.

— Фу!

Давно я уже не видел ничего подобного, от чего у меня волосы по всему телу встали бы дыбом. Хасэ, приживая лицо Буси к груди, сам слегка отвернул голову, чтобы не смотреть прямо. У наших ног, прижав уши, рычала Бела.

Головы, точно на невидимой волне, поднялись над чемоданом и стали падать на пол. Одна, вторая, третья, да сколько же их там?!

— Ага... Так я и думал. Напитались здешней духовной энергией и ожили, значит, — задумчиво почесывая неряшливую щетину, пробормотал Букинист.

Я подскочил к нему.

— Сейчас не время для спокойных размышлений! Ч-что делать-то? Акинэ-сан нет, а я...

А что я?

А от меня еще никакого толку, так ведь?! Не говоря уже о том, что «Пти Иерозоикон» так и остался лежать на столе в моей комнате.

Но будь он со мной... что я смог бы предпринять? Как справиться с этими отрубленными головами?

Букинист заглянул в мое вытянувшееся в растерянности лицо, и его глаза за круглыми очками сощурились в улыбке.

— Предоставь их мне!♪ Я ж не за красивые глаза «Букинистом» зовусь!

Из чемодана на пол выкатывались все новые и новые головы. Все в крови и ранах, страшные и явно ужасно сердитые, судя по гневному тону их непрекращающейся тирады. Воздух постепенно тяжелел, напитываясь их отрицательной энергетикой.

Букинист сделал шаг к головам, вытянул перед собой правую руку...

И...

— Семь мудрецов!!! — громко и четко произнес он, и воздух над его раскрытой ладонью засветился. В кругу света будто из неоткуда появилась книга.

— Книга!.. — вырвалось у меня.

— Араторон!!! — вновь закричал Букинист, и над парящей над его рукой книгой в воздухе вспыхнул золотой диск с множеством непонятных символов внутри. Магический круг!

Магический круг ослепительно засветился, сопровождая это оглушительным грохотом, сотрясшим всю комнату.

— Ой! — мы с Хасэ подпрыгнули.

А в следующий миг...

Ни парящей в воздухе книги, ни заполнивших весь пол гостинной голов уже не было. Лишь открытый чемодан демонстрировал опустевшие недра.

— Фу-у! — протяжно выдохнул Букинист.

Мы с Хасэ, оглушенные увиденным, продолжали стоять соляными столбами.

— Букинист... Кто вы...

— Хе-хе!♪

Букинист в снисходительном жесте поправил на носу очки.

— От величайших произведений искусства до дешевых «покетов», добуду любую книгу, когда бы и где бы она ни была создана! — он отвесил демонстративный поклон, и тут же выпрямился.
— Но если говорить о моей истинной специализации, то это магические и духовные книги. И потому зовут меня Книжником!

— Книжником?..

— Хозяином книжного магазина?

— Нет! Мастером магической книги!

Не чародеем, а мастером магической книги.

Магом, творящим волшебство с помощью книги.

Значит, Букинист — мастер магической книги, прямо как я — мастер «Пти Иерозоикона»?

— Если уж на то пошло, маги и магические книги неразрывно связаны. Почти у всех магов есть их личные магические книги. А тех среди них, кто, как я и ты, творит магию через магические книги, называют книжниками, Юси.

— Но у Рю-сана магических книг нет. И у Акинэ-тян.

— В точку. По тому же принципу, что мы используем книги, Рю-сан использует сикигами. Мы заключаем с книгой контракт, чтобы в дальнейшем вызывать заключенных в ней духов, а те в качестве платы за службу питаются нашей духовной энергией.

— «Те» — это?..

— В моей книге «Семь мудрецов» заключены силы семи магов. Я, как ее мастер, могу по своему желанию их использовать.

Я в изумлении вытаращился на Букиниста. Кто бы мог подумать, что совсем рядом со мной окажется «сэмпай».

— Почему вы раньше об этом не рассказывали?

Букинист почесал голову.

— Да как-то неловко было! И потом...

— И потом?

— Вы с тобой в разных весовых категориях.

— Да уж...

Не поспоришь, я совершенно не дотягиваю даже в шутку называться «книжником».

— Фу-у... — Хасэ, не выпуская из рук Бусю, без сил повалился на диван. Буся быстро моргал слегка округлившимися от страха глазами.

— Так чё это за головы были? — флегматично попивая sake, спросил Художник.

— Дай угадаю, самурайские? — Поэт тоже вел себя как ни в чем не бывало. Будто ничего и не произошло. В общем-то, наверное, ничего удивительного, и все-таки, привычка — страшная штука.

— Молодец, Рэймэй-сан! — Букинист достал из чемодана и продемонстрировал нам книгу. Старый японский фолиант из сшитых вместе листов васи с рисунками отрубленных голов и трупов.

— Сборник изображений казней конца периода Эдо.

— А-а, теперь понятно.

— Сборник изображений казней?

— Раньше же фотографий не было, поэтому на казни звали графиков укиё-э, чтобы те зарисовывали трупы преступников. Сейчас это называется отчет патологоанатома.

На последней фразе объяснений Букиниста мы с Хасэ понимающе кивнули.

Букинист пролистал страницы фолианта.

— В то время о правах не думали. Многих казнили без суда и следствия. Наверняка нашлось немало бедняг, обратившихся после этого в мстительных духов.

— Говорят, кровь на гравюрах рисовали настоящей кровью.

— Фу, это правда?!

— Васи очень долго хранит в себе мысленный посыл. Современной бумаги хватает максимум на пару-тройку десятилетий, зато в стариной впитавшиеся в нее мысли не теряют своей силы и по прошествии нескольких столетий. Васи так особенно. Поэтому с подобными сборниками изображений казней, нежити, привидений и прочего нужно быть очень осторожными.

— Если ты такой умный, что тогда это было? — саркастически спросил Поэт.

Букинист от души рассмеялся.

— Так я ж и подумать не мог, что они прямо оживут! Есть у меня один клиент, который без ума от подобных штук, вот я для него и расстарался.

Интересно, подобного рода легкомыслие тоже является плодом привычки?

Но все-таки, что за идиоту могло прийти в голову заказывать нечто подобное! Какой толк от приобретения сборника рисунков трупов, в котором спят мстительные духи, — категорически не понимаю! Я вдруг ощутил жуткую усталость.

— Ну, не буду говорить тебе расти до моего уровня, кохай, лучше пожелаю удачи, чтобы книжка твоя тебя в итоге не сожрала, ха-ха-ха! — захохотал мой добрый сэмпай, от всей души похлопав меня по спине.

Жаль, что не Рю-сан стал моим сэмпаем, но мое мнение, разумеется, не имело никакого значения.

Рурико-сан налила нам с Хасэ горячего черного чая и какао для Буси. Чтобы мы согрелись и телом, и духом.

Буся отказался расставаться с Хасэ, поэтому на мой узкий футон мы улеглись втроем (плюс Бела в ногах).

За окном темной комнаты и сегодня проплывают тусклые огоньки. Буся мирно посапывает во сне.

— Однако здесь не соскучишься. — В голосе Хасэ слышалась усталая нотка. — Такое

ощущение, что вся моя жизнь вот-вот перевернется с ног на голову.

— Моя уже давно перевернулась

После недолгой паузы Хасэ хмыкнул:

— Да уж, наверное!

Воцарившееся молчание было преисполнено покоем. Словно и не было тех жутких отрубленных голов.

— Так вот они какие, эти маги... Ты тоже таким станешь?

— Кто ж меня знает. Их же столько много разных, этих магов. Взять того же Букиниста и Акинэ-тян, у них же ничего общего. Или Рю-сана.

— Хотелось бы мне познакомиться с этим твоим Рю-саном.

— От него никогда не знаешь, когда он вернется. Но когда возвращается, сразу об этом узнаешь.

— Ну, как бы то ни было... — Хасэ ненадолго замолчал. — Главное, что ты — это ты.

Его слова повисли в ночном воздухе комнаты.

Мы опять помолчали, после чего Хасэ медленно произнес:

— Ты знаешь, Инаба...

— М?

— Я хочу добиться чего-то великого.

— Угу...

— У меня уже есть под это готовый фундамент.

Его отец занимает ключевую должность в одной из крупнейших компаний страны. Мать — дочь известного политика. Хасэ с самого рождения обладает деньгами и положением. Прибавьте к

этому острый ум, ловкость и природную привлекательность, и можете считать, что перед вами готовый будущий член бизнес-элиты.

— Но что за интерес катиться по уже уложенным рельсам? Если уж и ехать по ним, то не на обычной вагонетке, а на мощном скоростном поезде.

То есть не сходить с подготовленных другими путей, а использовать их по максимуму на свое усмотрение. Что тут сказать, это так похоже на Хасэ, что даже смешно.

— Я создам собственную организацию из доверенных солдат, и вместе мы подомнем ту компанию. Построим наше личное королевство.

— Угу... У тебя точно получится, Хасэ.

— Ты так думаешь? — Хасэ повернулся на бок лицом ко мне. — Ты правда так думаешь, Инаба? Это ведь та еще масштабная задумка?

Даже в полумраке я мог разглядеть на лице друга еще ни разу не видимое мной выражение.

— Что, Хасэ, страшно?

— Я все-таки реалист. — Кончики рта Хасэ приподнялись. — И как реалист я понимаю, что для достижения этой мечты нужны время, средства, люди и много труда, и совсем не факт, что я успею ее осуществить в течение своей жизни. Об этом нельзя забывать.

Плечи Хасэ, лежащего по другую сторону мирно спавшего Буси, повисли.

— Докатились, думаем о подобном в нашем возрасте, — улыбнулся я.

Хасэ тоже улыбнулся.

Какой бы идеальной и прекрасной ни была мечта, в реальности все далеко не так просто.

Реальность — это бесконечные столкновения с несправедливостью, грязью, горечью и отсутствием здравого смысла. С этим ничего не поделаешь.

Даже Хасэ, рожденный в богатой семье, отлично это понимает. С самого детства. Поэтому он не отвернулся от меня, когда я бесился из-за навалившихся на меня обстоятельств.

В Хасэ нет ничего от пустозвонов-идеалистов, поэтому он так привлекает людей.

— Для такого реалиста, как я, воплощение идеала в реальность невозможно без компромиссов с этой самой реальностью... Поэтому... Иногда я перестаю понимать, чего именно мечтаю добиться...

Кажется, впервые Хасэ обнажил мне свою душу... Или свои потаенные страхи?

До этого дня мы много раз жаловались друг другу, рассказывали о своих тревогах и делились секретами, чего не позволяли себе ни с кем другим, но я и подумать не мог, что внутри Хасэ скрывалась подобная неуверенность.

Я не знал, что на это ответить. Так и лежал, не шевелясь и уставившись в потолок.

Тихое дыхание спящего Буси разрядило повисшее в воздухе напряжение.

— Ты знаешь... — наконец вновь заговорил Хасэ. — Ты для меня был оазисом, Инаба.

Я молча к нему повернулся.

— Не знаю, может, это была судьба, что мы встретились, раз уж мы с самого начала так хорошо ладили... Ведь если подумать, моя мечта, мягко говоря, далека от реальности. Собрать вокруг себя городских хулиганов и с их помощью и при одних лишь своих мозгах создать огромную организацию, чтобы когда-нибудь поглотить компанию отца...

Но ведь никто другой, кроме тебя, не мог придумать себе подобную мечту, разве нет, Хасэ?

И ты вполне способен воплотить ее в жизнь. Я в этом никогда не сомневался...

— Но ты, Инаба, ты все время бился с окружающей тебя реальностью. Сквозь слезы и крик...

— Насчет слез и криков — это уже лишнее.

Хасэ хихикнул в темноте.

— Твои слезы и крик меня восхищали.

Я замешкался с реакцией.

— Какие бы обстоятельства на тебя ни сваливались, ты не переставал изо всех сил размышлять, противостоять им, хоть время от времени и впадал в отчаяние и гнев. Но даже глотая слезы, ты продолжал идти вперед... Меня восхищала эта твоя очень человеческая борьба. В моих глазах ты был по-настоящему полноценным человеком, примером, на который я

не мог налюбоваться.

Хасэ сел, нащупал мою руку и притянул к себе. И вновь на его лице было новое для меня выражение.

— Возможно, глядя на тебя, я неосознанно поддерживал свое внутреннее равновесие. Поэтому не стал звать тебя в свое королевство. Хотя на самом деле... Больше всего я хотел, чтобы именно ты оставался рядом. Был моей правой рукой...

Я молчал, ошеломленный неожиданным «признанием». Хасэ всегда был для меня олицетворением самоуверенности, человеком без единой слабости, чья жизнь протекает точно согласно им же написанному сценарию. Представителем совсем другого мира. Просто друг.

Но на самом деле он считал иначе. Да и я тоже.

Я улыбнулся. Дрожащая, должно быть, вышла улыбка.

— Давай без этих напыщенных слов. Со мной даже родители так не говорили. Хочешь меня в краску вогнать?

Хасэ тоже улыбнулся. И сказал:

— А ты вон что учудил.

— В смысле?..

— Живешь в Особняке нежити, окруженный всякими барабашками, а сейчас еще и «магом» заделался. Нормально, вообще? Куда уж дальше от реальности!

Хасэ оттолкнул меня и сам вытянулся на футоне.

— Э-э-эх, теперь я чувствую себя ну полным идиотом! Реальность то, реальность сё... Надоело!

Он покосился на меня. После чего вновь перевернулся на бок и взглянул уже прямо в лицо.

— Я решил. Я позволю себе больше мечтать, Инаба.

— Хасэ...

— Если уж с тобой произошло столько невероятного, по сравнению с этим мои мечты кажутся

до жути банальными и легко выполнимыми.

И он ослепительно улыбнулся.

— Угу.

— Все обязательно сбудется. — Его голос звенел от переполнявшей его силы.

— Угу.

Мы крепко пожали друг другу руки поверх Буси. Мое тело будто перезарядили. Кажется, я кожей ощутил обдувающий нас ветер перемен. Меня захлестнуло такое счастье, что даже не хотелось отпустить руку друга.

— Скажи, Инаба...

— М?

Хасэ оборвал себя на полуслове. Может, подбирал слова? Не мог сформулировать мысли? Я молча ждал продолжения.

— Тебе не кажется, что мы...

— Угу?

Хасэ смотрел на меня. Я тоже посмотрел на него. Погладив Бусю по голове, Хасэ наконец договорил:

— Что мы чем-то напоминаем семью?

Наверное, из-за того, что он застал меня врасплох, его слова тронули меня до глубины души. Пока я не услышал их продолжение.

— Я папа, а ты мама.

Когда я отмер, на лоб Хасэ с размаха опустился мой кулак.

— Хватит бредить!

К тому моменту, когда мы смогли успокоить и вновь уложить проснувшегося от звука удара и заплакавшего от неожиданности Бусю, наступил рассвет.

Ровно в пять часов за мной зашла Акинэ-тян и, не желая слушать ни о каких послаблениях, провела полноценную утреннюю практику. Хасэ тем временем в обнимку с Бусей дрых без задних ног.

Пока я после одинокого ломтика тоста обливался потом на дневной практике, Хасэ наелся до отвала вкуснейшим обедом и празднично валялся в гостиной, весело проводя время за беседами с Поэтом и другими обитателями особняка. А вечером после чудесного ужина расслабился в термальном источнике.

В итоге Хасэ гостил в Особняке нежители пять дней (целых пять дней!), в полной мере наслаждаясь всеми благами жизни здесь (ну еще бы!).

Загрохотал двигатель мотоцикла.

— Хорошо, Буси нет, — надевая шлем, с сожалением произнес Хасэ.

Начинается новый учебный год. Какое-то время мы опять не сможем видеться.

Но, думаю, отныне мы уже больше не будем так друг за друга волноваться и переживать.

Позади осталось событие, масштабов которого хватило бы, чтобы перелопатить всю жизнь, но мы пережили его, и наша дружба лишь укрепилась. Будущее, как и всегда, остается скрытым в тумане, но теперь Хасэ знает, что рядом со мной есть люди, которым я всецело доверяю. Так что как-нибудь справимся.

— Я еще приеду.

— Угу.

— Успехов тебе.

Хасэ стукнул меня кулаком в грудь. Я ответил тем же.

Оставляя за собой рокот двигателя, мотоцикл Хасэ удаляется. Глядя ему вслед, вдыхаю полной грудью успевший еще сильнее пропитаться весной воздух. Кажется, даже лучи солнца пахнут цветами.

А ведь я, наверное, еще никогда не провожал тебя в таком приподнятом настроении, Хасэ.

Я всегда с нетерпением ждал наших встреч, радовался твоему ненавязчивому вниманию, твоим укорам и словам поддержки... Но во время прощаний меня всякий раз охватывали одиночество и тревога.

Что теперь со мной будет... Смогу ли, как все, устроиться на работу, проживать день изо дня...

Когда мы теперь с Хасэ увидимся... А вдруг мы больше никогда не встретимся...

Мне всегда чего-то не хватало.

Но, хотя я все еще до конца не понимаю, чего именно, и нынешняя моя ситуация как никогда требует размышлений на тему «Что теперь со мной будет?», меня переполняет счастье.

Отныне я могу смотреть тебе вслед в совсем ином настроении. Можешь себе представить, как я этому рад, Хасэ?

Перефразируя твои же слова, ты, перепуганный после встречи с Садако-сан, был в моих глазах тем самым полноценным человеком, которым я не мог не восхищаться.

Ты признался мне в своих тревогах насчет будущего. Но при этом сказал, что я и Особняк нежити вдохновили тебя больше мечтать. Как мне этому не радоваться?

Мы точно заняли с тобой новые стартовые позиции.

— Приезжай еще. Буся тоже будет ждать.

Теплый весенний ветер, словно лепестки, подхватил мой шепот и понес навстречу ясному голубому небу.

Когда я вернулся в особняк, то увидел сидящую на веранде с Бусей на руках Акинэ-тян. Сбоку к ней прижалась тихо сопящая Бела.

— Рыдал без остановки, только-только заснул. Очень уж Хасэ-кун Бусёнку приглянулся.

— Ха-ха.

Я ласково погладил Бусю по голове.

— Не переживай, Бусь. Он наверняка скоро опять приедет. Папа тоже от тебя без ума.

— Папа?

— А, это! Ха-ха-ха! Да это Хасэ ляпнул, что чувствует себя «выходным папой». Ха-ха-ха!

— А-ха-ха! А ты, значит, мама?

Вот дьяволица, и хватает же совести нести подобную чушь с таким невинным выражением лица!

— Фул.

Отвечая на мой зов, над «Пти Иерозоиконом» появился дух карты «Нуль» Фул.

— Вы звали, господин?

Отвесив хорошо знакомый театральный поклон, Фул выпрямился и удовлетворенно улыбнулся.

— О, как замечательно. Смею судить, вы заметно выросли с момента нашей последней встречи. Пусть даже слабая из слабейших, но наша книга остается магической, и для нас великая честь наблюдать, как наш хозяин постепенно приближается к званию ее достойного владельца.

— Ну спасибо, — усмехнулся я и перешел к делу. — С завтрашнего дня начинается школа.

— О-о, чудесно.

— Предупреждаю сразу, Фул. Не вздумай, как тогда с Хасэ, появляться на людях. Если тебя увидят в школе, такая шумиха поднимется!

— Как вам будет угодно!

В поклоне Фула было столько энтузиазма, что я ни на секунду ему не поверил. Но все же сунул

«Пти Иерозоикон» в портфель. Все равно так или иначе окажется там.

С сегодняшнего дня я ученик второго класса бизнес-колледжа Дзёто.

Всего год назад я был совершенно другим человеком. Эрико, когда я вчера после долгого перерыва приехал в гости в дом дяди Хироси, тоже удивилась.

— Ты как-то... Возмужал, Ю-кун! А, поняла. Подружку завел! — воскликнула Эрико и засмеялась.

Я тоже засмеялся. Теперь я уже мог от души смеяться в кругу дядиной семьи.

Я изменился. С самого первого дня в Особняке нежити я постепенно менялся.

Пока не родился совершенно новый я.

Даже не верится, что все эти весенние каникулы я учился на мага. Стоило представить, как бы на это отреагировали ребята из школы, и меня разбирали хохот.

Тренировки духовной силы на некоторое время откладываются.

— Доброе утро! — поздоровался я, низко склонив голову на пороге столовой Особняка нежити.

— Привет!

— Привет-привет, новоиспеченный маг. Ну что, с началом нового учебного года? Смотри, поаккуратнее там, в школе, — предупредил меня Сато-сан, нежить, но работающий в самой обычной человеческой компании.

Все засмеялись.

— Обязательно!

— Не то чтобы твоя жизнь отныне изменится, но все равно, удачи тебе, кохай.

— Спасибо, сэмпай!

Превкусный завтрак Рурико-сан позади, пора в школу.

Правильно сказал Букинист, это не анимэ и не манга, едва ли теперь меня ожидают какие-то драматические события, но сердце все равно взволнованно колотится в груди и не желает успокаиваться.

Угу.

Приятное ощущение.

Продолжение в третьем томе.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344799>